

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

УЗНИК
ПРОКЛЯТОГО ЗАМКА

Екатерина Мордвинцева

Узник проклятого замка

<https://litres.ru/74211417>

Аннотация

В мрачном поместье Вальграф, запертом в вечном тумане и забытом временем, обитает граф Адриан фон Лер. Он не может покинуть свои владения, не отбрасывает тени и уже давно махнул рукой на надежду. Но когда в его жизнь врывается Элис — горничная с прагматичным умом, упрямством и рецептом булочек с корицей — вековое проклятие начинает давать трещины. Чтобы обрести свободу, графу предстоит не только принять помощь, но и научиться снова чувствовать. Даже если это больно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1

Дождь начался как невинное ненастье, а к полудню превратился в личную месть стихии именно к Элис Хоторн. Он не падал — он обрушивался сплошной, хлёсткой стеной, превращая лесную тропинку в бурлящий коричневый поток. Вода заливалась за воротник, ледяными струйками сползала по позвоночнику и упорно затекала в единственные хорошие башмаки, которые теперь скрипели и хлюпали с каждым шагом, словно живые, недовольные существа.

Зонтик сдался первым — его спицы с трагическим хруском вывернулись наизнанку где-то на середине пути, и теперь жалкий чёрный лоскут болтался на палке, напоминая побеждённого ворона. Элис швырнула его в придорожную крапиву без сожаления. Перед ней в кармане пальто лежало смятое письмо, которое сейчас было дороже любой королевской грамоты. «Мадемуазель Хоторн, ввиду внезапной... отлучки прежнего управляющего, поместье Вальдграф испытывает острую нужду в персонале. Если вас не смущают удалённость и специфический характер работы...» Специфический характер. Фраза, от которой у отца, лежащего с воспалением лёгких, вытянулось лицо, а у матери дрогнули губы. Но за работу платили втрое больше, чем в трактире «У старого дуба». А деньги сейчас пахли не медяками, а аптечной ромашкой, дровами для печи и надеждой.

«Иди, дочка, — прошептал отец, сжимая её руку горячей ладонью. — Ты у нас крепкая. Призраков не боишься. А если хозяин окажется настоящим вурдалаком, ты ему моей клюквенной наливкой по башке». Элис тогда фыркнула, но сейчас, продравшись сквозь очередную завесу из колючего дождя, она бы не отказалась от хотя бы пузырька той наливки — чтобы согреться изнутри.

Лес сгущался, старые ели смыкали над головой мокрые лапы, почти не пропуская свет. Воздух стал пахнуть хвоей, сырой землёй и чем-то ещё — холодным, металлическим, как запах древнего камня. И вот тогда она его увидела.

Поместье Вальдграф не появлялось — оно вырастало из тумана и мрака, как кошмар, материализовавшийся по воле злой сказки. Не симметричный дворец из романов, а нагромождение башен, крыш, острых шпилей и контрфорсов, будто его строили в разные эпохи и в разных настроениях, а потом скрепили вместе чёрным отчаянием. Камень был тёмным, почти чёрным, впитавшим влагу веков. Окна — слепыми, затянутыми изнутри то ли пылью, то ли паутиной. Ни одного огонька. Ни одного намёка на жизнь. Только одинокий ворон, сидевший на верхушке ржавой решётки ворот, повернул к ней голову и каркнул — звук был на удивление глухим, словно его поглотила сама атмосфера этого места.

Ворота, к её удивлению, были не заперты. Сквозь щель между створками виднелась дорога, усыпанная не гравием, а чем-то тёмным и острым — похоже, щебнем из того же

мрачного камня. Элис толкнула тяжёлую створку. Металлический скрежет заставил её вздрогнуть и пригнуться, будто она разбудила нечто спящее. Ворон, недовольно хлопнув крыльями, перелетел на ближайшую горгулью, с которой с каменного лица стекала настоящая струя дождя.

Дорога к дому казалась бесконечной. Она шла, утопая в грязи почти по щиколотку, чувствуя, как холод проникает в кости. Поместье по мере приближения становилось только мрачнее. Она разглядела трещины в камнях, заросли плюща, который не украшал, а душил стены, словно зелёная, живая удавка. Наконец, крыльцо. Широкие ступени, выщербленные временем. Дверь. Не просто дверь — это был портал в иное измерение. Чёрный дуб, тяжёлый, безмолвный, с массивными железными накладками и единственным украшением — молотком в виде химеры, держащей в пасти кольцо. Колотушки не было. Лишь крошечный, потускневший серебряный звонок в форме змеи, кусающей свой хвост.

Элис задержала дыхание и нажала.

Звук, родившийся в недрах дома, был не звоном. Это был протяжный, хриплый стон, будто разбудили очень старого, очень больного зверя. Он замер в воздухе, вибрируя где-то в области солнечного сплетения, и медленно растаял.

Ничего не происходило так долго, что Элис уже подумала, не повернуть ли обратно. Мысль о тёплом камине в их крохотной гостиной была так соблазнительна... Но тут дверь бесшумно, без единого скрипа, отъехала внутрь, от-

крыв щель ровно в ширину человека.

В щели стоял он. Если бы не слабый ответ изнутри, падавший на его лицо, можно было бы подумать, что это просто особо густая тень, принявшая человеческую форму. Высокий, невероятно, болезненно худой, в чёрном фраке, который висел на нём, как на вешалке. Лицо — вытянутый овал цвета слоновой кости, с резкими, почти геометрическими скулами и впалыми щеками. Глаза, глубоко посаженные, смотрели на неё не сверху вниз, а будто сквозь, оценивая не как человека, а как неожиданное, досадное природное явление.

— М-мне назначено собеседование, — прохрипела Элис, голос от холода и напряжения сел. — На должность горничной. Я Элис Хоторн.

Дворецкий — а это мог быть только он — медленно, с едва уловимым усилием, как будто ржавые шестерёнки в его шее провернулись, склонил голову. Его тонкие, бледные губы сложились в выражение, которое можно было принять за вежливость, если бы не ледяная пустота в глазах.

— Ах, да. Сие долгожданное событие. — Его голос был таким же, как он сам: сухим, тихим, лишённым вибраций. Каждое слово казалось выточенным из тонкого льда. — Мастер фон Лер ждёт. Он ценит пунктуальность превыше многих... человеческих качеств. Он также питает глубокую антипатию к излишней влажности в интерьерах. Вы, судя по всему, принесли её с избытком.

Он отступил на шаг, жестом приглашая войти. Элис переступила порог, и её охватила волна тепла. Не уютного, а спёртого, тяжёлого, как воздух в склепе. И запахи. Пыль, воск, старое дерево, затхлость и под всем этим — едва уловимая, сладковатая нотка увядших цветов и... горького миндаля.

Вестибюль был огромен. Чёрно-белый мраморный пол в шахматном порядке, высокий потолок с потемневшей от копоти лепниной. С неё прямо на пол хлынула вода, образовав мгновенно растущую лужу. Дворецкий, которого она уже мысленно окрестила Людвигом (ему так подходило это имя), взглянул на лужу, и в его глазах мелькнула тень истинного страдания, будто она осквернила алтарь.

— Прошу следовать за мной, — произнёс он, и в его голосе появилась стальная нотка. — И, по возможности... минимизировать контакт с поверхностями.

Он поплыл вперёд, не оглядываясь, и Элис потащилась следом, стараясь ступать на носки, чтобы не так громко хлюпать. Поместье внутри оказалось лабиринтом. Коридоры бесконечно ветвились, уводя в непроглядную тьму. Они проходили мимо залов с накрытой паутиной мебелью, мимо витрин с коллекцией потускневшего серебра, мимо бесчисленных портретов. Предки фон Леров смотрели со стен одинаково надменными, холодными взглядами, но на некоторых лицах Элис уловила нечто большее — нездоровый блеск глаз, слишком красные губы, неестественную блед-

ность. Один, с остроконечной бородкой и безумным прищуром, казалось, следил за ней, поворачивая голову. Она резко обернулась — портрет был неподвижен. «Воображение, — сказала себе Элис. — Только воображение. И эта чёртова усталость».

Людвиг, не оборачиваясь, вёл экскурсию монотонным шёпотом, будто боялся разбудить стены:

— Восточное крыло... не посещать после заката. Западное крыло... закрыто. Библиотека на третьем этаже... требует особого разрешения. Ваши обязанности будут заключаться в поддержании чистоты в южном крыле, где расположены кухня, ваша комната и несколько... редко используемых залов. Обед в полдень, ужин в семь. Еду вам будет приносить... я. Выходить на территорию поместья после сумерек... не рекомендуется.

— А что насчёт... хозяина? — осторожно спросила Элис, поравнявшись с ним на лестнице, ступени которой скрипели под ногами с таким надрывом, будто стонали от боли.

Людвиг остановился и медленно повернул к ней голову. В свете коптящей масляной лампы, которую он нёс, его лицо казалось вырезанным из старого пергамента.

— Мастер фон Лер, — произнёс он с придыханием, — является душой этого места. Он редко показывается. Он ценит тишину, порядок и... отсутствие праздного любопытства. Управляющий, мистер Грим, который нанял вас, к сожалению, три недели назад... решил резко сменить род дея-

тельности и покинул поместье. В час ночи. Через окно второго этажа. Не попрощавшись. Вы... будете четвёртой кандидаткой за этот месяц.

— А что случилось с предыдущими... кандидатками? — Элис почувствовала, как у неё похолодели не только ноги.

— Они не выдержали испытательного срока, — бесстрастно ответил Людвиг. — Он составляет, как правило, один день. Сегодня, — он сделал паузу, и в его голосе прокралась едва уловимая, зловещая заминка, — у мастера... настрояние. Почти человеческое. Почти.

Он остановился перед очередной дверью, на сей раз из тёмного, почти чёрного дерева, с инкрустацией в виде переплетённых ветвей без листьев.

— Библиотека, — произнёс он, и его пальцы, длинные и костлявые, легли на ручку. — Мастер ждёт вас внутри. Я советую вам... быть сдержанной в выражениях. И в жестах. Мастер не терпит суеты.

И, отворив дверь, он растворился в полумраке коридора, оставив её одну на пороге.

Тишина, хлынувшая из открывшейся двери, была не просто отсутствием звука. Она была плотной, осязаемой, как бархатная портьера. Элис осторожно шагнула внутрь.

Библиотека была городом, вымершим городом книг. Бесконечные стеллажи уходили ввысь, в потолок, терявшийся в сумраке. На них ровными рядами стояли тысячи томов в переплётах из потемневшей кожи, замши, парчи. Воздух здесь

пах иначе: не затхлостью, а благородной пылью веков, сухим пергаментом, древесным клеем и той же, но ещё более явной, горьковатой нотой миндаля. Свет был только от камина — огромного, такого, в котором можно было бы зажарить целого быка. В нём тлели угли, отбрасывая на стены и потолок причудливый, беспокойный танец красно-оранжевых теней.

Комната казалась пустой. Элис сделала ещё несколько шагов, её мокрые башмаки оставляли на паркете тёмные отпечатки.

— Здравствуйте? — её голос утонул в тишине, не вызвав даже эха. — Меня зовут Элис Хоторн. Я по поводу...

Она обернулась и замерла. В огромном, высоком кресле у камина, спиной к ней, сидел кто-то. Она не заметила его сразу — он сливался с тёмной кожей кресла и окружающим мраком. На него указывала только одна деталь: на изогнутой деревянной ручке кресла лежала рука. Кисть была неестественно бледной, почти фарфоровой, с длинными, тонкими пальцами. Она лежала совершенно неподвижно, неживая.

Сердце Элис заколотилось где-то в горле, затмив собой все другие звуки. Это была ловушка? Шутка? Она вспомнила рассказы о вампирах, о живых мертвецах, которые столетиями сидят в своих замках... Но нет, это глупости. Это просто эксцентричный аристократ с плохими манерами. Должен же он быть.

— Мистер... Граф фон Лер? — её голос дрогнул, и она

прокляла себя за эту слабость.

Кресло начало поворачиваться. Медленно, с тихим, скрипучим звуком старого дерева. Оно совершило полный оборот и остановилось.

Он не был старым. В этом был первый шок. Он выглядел на годы её старшего брата, лет двадцать восемь, не больше. Но какими были эти двадцать восемь... Его черты были слишком утончёнными, слишком резкими, словно высеченными из мрамора уставшим, но гениальным скульптором. Чёрные волосы, отливавшие в огне синевой, падали на высокий лоб. Брови — тонкие, тёмные дуги. Глаза... Глаза были цвета старого виски, тёмно-янтарные, и в них не было ничего человеческого. Только холодное, бездонное любопытство и усталость, которой, казалось, тысяча лет. Он был одет во всё чёрное — рубашка, жилет, сюртук — и сидел в кресле с такой абсолютной, королевской неподвижностью, что Элис на мгновение показалось, что перед ней очередной портрет, оживший по чьей-то злой шутке.

— Вы, — произнёс он. Его голос был неожиданно низким, бархатным, и в нём не было ни капли тепла. Он звучал так, будто рождался не в лёгких, а в самой глубине этого тёмного зала. — Вы принесли в мой дом запах мокрой шерсти, дешёвого мыла и... отчаянной решимости. Очень пахнущее сочетание.

Элис открыла рот, чтобы что-то парировать, защититься, но в этот момент нос, всё это время раздражённый сыростью,

а теперь атакованный облаком вековой библиотечной пыли, поднявшимся от её шагов, предательски зашекотал. Она попыталась сдержать чих, зажав нос пальцами, глаза её наполнились слезами от усилия, но это было бесполезно.

— Апчхи!

Звук разорвал могильную тишину, как выстрел. Он отдался эхом в высоком потолке. Мельчайшие пылинки, подсвеченные огнём камина, взметнулись в воздухе золотым облачком, кружась в безумном танце.

Наступила тишина, ещё более гнетущая, чем прежде. Граф не моргнул. Он просто смотрел на неё своими янтарными глазами, и в них не было ни гнева, ни раздражения — лишь холодное, безмолвное изумление, будто он наблюдал за редким, абсурдным насекомым, совершающим необъяснимый ритуал.

Жаркая волна стыда и унижения захлестнула Элис с головой. Она провалила собеседование. Она провалила его в тот же миг, как вошла. Теперь она вернётся домой ни с чем, к больному отцу, к долгам, к безнадёжности.

И тогда, движимая чисто автоматическим, вбитым матерью с детства рефлексом вежливости — «чихнул, предложи платок» — её рука полезла в карман мокрого пальто. Она нащупала там не совсем сухой, но чистый льняной платок с крошечной, аккуратно вышитой по краю голубой каёмочкой. Не думая, почти в отчаянии, она вытянула руку через разделявшее их пространство, заляпанное её мокрыми сле-

дами, и произнесла хрипло:

— Вам... не нужно? Вы тоже... в пыли сидите.

Мгновение, следовавшее за этими словами, показалось ей вечностью. Граф фон Лер медленно перевёл взгляд с её раскрасневшегося, растерянного лица на протянутый, слегка помятый платок. Он смотрел на него так, будто никогда прежде не видел подобного предмета. Затем его взгляд вернулся к её лицу, и в глубине этих янтарных бездн что-то дрогнуло. Нечто неуловимое, почти микроскопическая трещина в ледяной маске.

Он медленно поднял свою бледную, прекрасную руку, но не для того, чтобы взять платок. Он просто дотронулся кончиками пальцев до воздуха в нескольких сантиметрах от него, как будто проверяя, реален ли он. Или как будто прикасаясь к чему-то хрупкому и потенциально опасному.

— Людвиг, — наконец произнёс граф. Его бархатный голос приобрёл первую, едва уловимую вибрацию — лёгкое, ошеломлённое раздражение, смешанное с чем-то ещё, что Элис не смогла распознать. — Похоже, вы привели в дом не просто горничную. Вы привели... персонифицированную метель с неожиданными гуманитарными порывами. Она предлагает мне платок. За мои... триста лет в этой пыли, это первый случай.

Из глубокой тени за креслом, где Элис и не думала искать кого-либо, материализовалась худая фигура дворецкого.

— Как будет угодно, мастер, — произнёс Людвиг без тени

удивления.

— Уведите... это атмосферное явление, — сказал граф, наконец отводя от неё взгляд и снова глядя в огонь, будто утомлённый зрелищем. — Дайте ей высохнуть в каком-нибудь уголке, где её... испарения не испортят переплёты. И накормите. Паёк новичка. Половину обычной порции. Посмотрим, — он сделал театральную паузу, и уголок его тонкого рта дрогнул на миллиметр, — переживёт ли она ночь в обществе собственной дерзости.

Людвиг кивнул, и его костлявая рука легла на локоть Элис, мягко, но неумолимо направляя её к выходу. Та, всё ещё с глупо протянутым впустую платком, позволила себя развернуть. Её мозг отказывался обрабатывать происходящее. Она не была уволена? Она получила... работу? Путёвку в один день испытательного срока?

Уже на пороге библиотеки, шагая за дворецким в полутьму коридора, она услышала позади тихий звук. Неясный, приглушённый. Похожий на сдавленный кашель. Или... на самый первый, самый робкий смешок, немедленно подавленный. Решив, что это, безусловно, был кашель — от пыли, — Элис сунула платок обратно в карман. Впереди её ждала комната, ужин и первая ночь в поместье Вальдграфа. А позади, в библиотеке, граф Адриан фон Лер сидел, глядя на дверь, которую только что закрыли, и медленно, очень медленно закрывал и открывал ладонь, будто всё ещё чувствуя в воздухе призрачное присутствие того самого, нелепого, го-

лубого по краю платка.

Глава 2

Проснулась Элис не от лучей солнца — их в комнату не пускали плотные бархатные портьеры цвета запекшейся крови, — а от ощущения, что её закопали в сырой, холодный камень. Она лежала на узкой, жёсткой кровати под горой одеял, которые пахли лавандой, но такой старой и пыльной, что цветочный аромат превратился в запах забвения. Комната, которую ей выделили, была больше похожа на монашескую келью или на камеру для особенно нерадивых привидений: голые каменные стены, комод из тёмного дерева с отбитой ножкой, крохотное зеркало в потускневшей раме и одинокий стул. И холод. Вечный, пронизывающий холод, который шёл не снаружи, а, казалось, исходил из самых стен.

Она села на кровати, и каждое движение отзывалось в мышцах ноющей болью — наследие вчерашнего марш-броска по ливню. Платье, снятое с вечера и повешенное на спинку стула, всё ещё было влажным на ощупь. Её собственная одежда — простая шерстяная юбка и блуза — лежала на комодe, аккуратно сложенная. Их кто-то принёс ночью. Эта мысль заставила её невольно поёжиться.

Внезапно раздался тихий, но отчётливый скрежет. В нижней части двери, там, где должен был быть порог, открылся узкий, длинный лоток. На нём стоял оловянный поднос: чашка с мутным чаем без молока, ломтик чёрствого хлеба

и то, что с большой натяжкой можно было назвать маслом — жёлтый, заветренный кусочек. Это был её «паёк новичка. Половина порции».

Голод, острый и безжалостный, заставил её забыть о брезгливости. Она проглотила хлеб, выпила чай, который оказался просто тёплой горьковатой водой, и начала одеваться. Процесс напоминал сборы полярника: поверх блузы пришлось натянуть толстый вязаный жакет, а на ноги — двое носков. Башмаки всё ещё были сырыми. Пришлось надеть их такими.

Она уже собиралась выйти, чтобы найти кухню или хотя бы тёплую воду, когда дверь в её комнату открылась без стука. На пороге, как воплощённая тень, стоял Людвиг. Он выглядел ещё более измождённым, чем вчера, будто провёл ночь, полируя призраков.

— Мастер фон Лер ожидает вас в Зеленой гостиной, — произнёс он, и его голос звучал как шелест сухих листьев под дверью. — Для обсуждения условий. Через десять минут. Не опаздывайте.

И, не дожидаясь ответа, он скрылся, растворившись в полумраке коридора.

Найти Зелёную гостиную оказалось задачей на выживание. Коридоры Вальдграфа были лабиринтом, лишённым логики. Они петляли, внезапно обрывались лестницами, ведущими вниз или вверх, или упирались в запертые двери с загадочными символами. Наконец, отчаявшись, Элис пошла

на запах — слабый, едва уловимый аромат старого табака и чего-то химического, вроде камфоры.

Дверь в гостиную была приоткрыта. Комната действительно была зелёной — когда-то. Теперь обивка мебели и портьеры выцвели до цвета болотной тины, а на стенах обои в полосу поблекли и местами отстали, свисая клочьями. Камин здесь не топили, и в комнате стоял ледяной, затхлый воздух.

Адриан фон Лер сидел в глубоком кресле у окна, затянутого той же тканью. Он был одет в тёмно-бордовый халат с чёрным шёлковым шнуром и выглядел бледнее, чем вчера, почти прозрачным. В руках у него был лист пожелтевшей бумаги, а на маленьком столике рядом стояла чернильница и лежало несколько гусиных перьев. Он не посмотрел на неё, когда она вошла.

— Вы опоздали на три с половиной минуты, — произнёс он, не отрывая глаз от листа. Его бархатный голос был ровным, без эмоций. — В Вальдграфе время течёт иначе. Три с половиной минуты опоздания здесь могут равняться трём с половиной часам скуки в мире за стенами. Садитесь. Но не на диван. Пружины поют фальшиво с 1823 года, и это меня раздражает.

Элис, поколебавшись, опустилась на краешек жёсткого стула у двери.

— Прошу прощения за опоздание, сэр. Я... заблудилась.

— Заблудиться в чужом доме — признак либо слабого ума, либо чрезмерного любопытства, — парировал он, нако-

нец подняв на неё взгляд. Его янтарные глаза были холодными и оценивающими. — Будем надеяться, что в вашем случае имеет место первое. Оно легче исправляется. Теперь к делу.

Он взял перо, обмакнул его в чернила и начал писать, одновременно диктуя. Голос его звучал отчётливо, без пауз, как будто он зачитывал священный текст.

— Обязанности горничной Элис Хоторн в поместье Вальдграф, — начал он. — Пункт первый: Ежедневная уборка Южной галереи и прилегающих к ней трёх залов. Пыль стирать сухой, мягкой тканью. Пыль не поднимать. Если пыль поднялась, задержать дыхание, пока она не осядет.

Элис уставилась на него, ожидая, что вот сейчас он улыбнётся, покажет, что это шутка. Но лицо графа оставалось бесстрастным.

— Пункт второй: Не входить в Восточное крыло после заката. А лучше вообще не входить. Особенно в Голубой зал. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не смотреть на лунное пятно, которое появляется на полу Голубого зала в полнолуние. Оно... вызывает несварение.

— Несварение? — не удержалась Элис.

Граф проигнорировал её.

— Пункт третий: По вторникам и четвергам в поместье запрещено напевать мажорные мелодии. Минорные — допускаются, но без свиста. Музыка в миноре по средам приветствуется, особенно если она грустная.

Он продолжал, и список рос, превращаясь в памятник абсурду:

— Пункт четвёртый: Не переставлять книги в библиотеке. Даже если они лежат не по алфавиту. Особенно если они лежат не по алфавиту.

— Пункт пятый: Не отвечать на вопросы, которые задают портреты в Красной гостиной. Если очень нужно — кивать или качать головой, но избегать слов «да» и «нет».

— Пункт шестой: Тени на стенах в сумерках не трогать, даже если они кажутся... цепкими.

— Пункт седьмой: Пауков из углов не выгонять. Они платят аренду.

— Пункт восьмой: В полночь, если слышны шаги на третьем этаже, сделать вид, что спите.

— Пункт девятый: Не удивляться, если блюда с кухни возвращаются пустыми, хотя вы никому, кроме меня и Людвига, их не относили.

— Пункт десятый...

— Позвольте, — не выдержала Элис, её голос прозвучал громче, чем она планировала. — Это... это всё?

Граф остановился, перо замерло в воздухе. Он медленно поднял брови.

— Всё? Милая девушка, это только введение в правила внутреннего распорядка. Мы ещё не дошли до раздела «Взаимодействие с садом» и «Поведение во время лунных затмений». У вас есть возражения?

Возражения были. Их была целая лавина. Но Элис помнила о пекарне, об отце, о деньгах. Она сделала глубокий вдох, собираясь с духом не для протеста, а для переговоров.

— У меня есть... условия, — сказала она твёрдо, глядя ему прямо в глаза.

В Зелёной гостиной повисла тишина. Даже пыль, казалось, замерла в воздухе. Граф фон Лер медленно опустил перо. На его лице появилось выражение глубочайшего, неподдельного изумления, будто каминный табурет только что заговорил с ним о политике.

— У... вас? — он произнёс это слово так, будто пробовал его на вкус и оно оказалось отвратительным. — У вас есть условия? К моим правилам?

— Я не рабыня, сэр, — сказала Элис, чувствуя, как дрожат её колени под юбкой. — Я наёмная работница. И любой труд, даже... даже предотвращение контакта с лунными пятнами, должен быть оплачен не только деньгами, но и элементарными человеческими условиями.

— Человеческими... — он повторил за ней, и в его голосе послышались первые нотки ледяного раздражения. — Продолжайте. Раз уж мы погрузились в эту фарс.

— Во-первых, — начала Элис, загибая пальцы, — мне нужен доступ к тёплой воде. Хотя бы раз в день. Чтобы не мыться в ледяной воде из кувшина.

— Во-вторых, нормальная еда. Этот... паёк новичка — издевательство. Я не смогу работать, если буду падать в го-

лодный обморок.

— В-третьих, один выходной в неделю. Воскресенье.

— И в-четвёртых... — она сделала паузу, собираясь с силами для главного. — В воскресенье я хочу право пользоваться кухней, чтобы печь себе булочки. С корицей.

Последнее требование, видимо, оказалось настолько неожиданным, что граф на мгновение онемел. Он смотрел на неё, его янтарные глаза сузились.

— Булочки, — произнёс он наконец, и его голос стал тихим, опасным. — С корицей.

— Да, — кивнула Элис, чувствуя прилив странной отваги. — Это моё условие. Без него я... я не уверена, что смогу выдержать испытательный срок. Даже один день.

Она ожидала взрыва. Ожидала, что он вскочит, прикажет Людвигу вышвырнуть её вон. Но граф только откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и уставился в пространство перед собой. Тишина затянулась. Элис слышала, как тикают старинные часы на камине — звук был глухой, неровный, будто они отбивали время для другого измерения.

— Тёплая вода, — наконец пробормотал он, будто размышляя вслух. — Нагрев воды требует дров. Дрова требуют денег. Вы уже стоите мне целое состояние одним своим присутствием, мисс Хоторн.

— Я могу помогать рубить дрова, — быстро предложила она.

— Вид девушки с топором... может вдохновить портреты

на неприличные мысли, — парировал он, но в его тоне уже не было прежней ледяной остроты. Было скорее... утомлённое любопытство. — Еда. Вы считаете, что Людвиг готовит плохо?

— Я считаю, что кусок хлеба и вода — это не еда для человека, который должен драить полы и избегать взглядов на лунные пятна, — сказала Элис. — Это еда для... для призрака.

Она увидела, как уголок его рта дёрнулся. Почти неуловимо.

— Призраки в Вальдграфе питаются воспоминаниями и страхом, мисс Хоторн. Это более калорийно, чем вы думаете. Воскресенье... — он вздохнул, и этот вздох показался ей искренне усталым. — В воскресенье в этом доме всегда происходит что-то... некстати. Но, возможно, ваше присутствие в этот день сможет это как-то уравновесить. Булочки же...

Он замолчал, и его взгляд стал отстранённым, будто он увидел что-то очень далёкое. Потом он резко встряхнул головой.

— Булочки с корицей. Вы будете печь их на кухне. В воскресенье. Используя припасы, которые вам выделит Людвиг. И, — его голос снова стал твёрдым, — вы принесёте мне... образец. Для инспекции. Чтобы убедиться, что вы не отравляете мою кухню каким-нибудь мещанским ядом оптимизма.

Элис почувствовала, как в груди расправляется что-то

тёплое и победоносное. Она выиграла этот раунд.

— Согласна.

— И, разумеется, — добавил он, снова беря перо, — в случае, если ваши булочки окажутся отвратительными, пункт о них будет немедленно удалён из нашего... соглашения. Теперь, если ваши деловые аппетиты удовлетворены, у меня есть ещё тридцать четыре пункта, которые нужно продиктовать.

Он снова начал читать монотонным голосом, а Элис слушала уже не так внимательно. Она выиграла право на булочки. И на воскресенье. И на тёплую воду. Это была маленькая победа, но в стенах Вальдграфа она казалась величайшим завоеванием.

Остаток дня прошёл в тумане усталости и абсурда. Людвиг, явно недовольный тем, что ему придётся следить за исполнением новых «привилегий», провёл её по Южному крылу и показал три зала, которые отныне были её вотчиной. Пыль здесь лежала вековым слоем, и попытка стереть её «не поднимая» оказалась задачей для йога и факира одновременно. Она двигалась медленно, как в замедленной съёмке, а Людвиг стоял в дверях и наблюдал с выражением человека, который видит, как слона учат вышивать крестиком.

В перерыве он принёс ей обед — миску какого-то серого варева с плавающими в нём неопознаваемыми кусочками. На вкус оно было как жидкая соль с примесью тоски. Но это была горячая еда. Элис съела всё, до последней ложки,

мысленно уже планируя, какие именно булочки она испечёт в своё первое воскресенье. С изюмом? С яблоком? Просто с большим количеством корицы и сахарной глазурью...

Вечером, после ужина, который был чуть лучше обеда (в вареве появились подозрительные волокна, напоминавшие мясо), её отвели обратно в её комнату. Людвиг принёс кувшин с тёплой — не горячей, но и не ледяной — водой. Это было чудо.

— Мастер велел передать, — произнёс дворецкий, ставя кувшин на комод, — что «инспекция лунного пятна сегодня не требуется». Считайте, что вам повезло. Спокойной ночи.

Ночь в Вальдграфе наступала не так, как везде. Тьма здесь не опускалась, а поднималась из углов, из-под кроватей, из глубины зеркал. Она была густой, тяжёлой, живой. Элис, лёжа в кровати и кутаясь в одеяла, прислушивалась. Дом был не тихим. Он был наполнен звуками: скрипом старых балок, шорохом за стенами, отдалённым, едва слышным шёпотом, который мог быть ветром в дымоходах, а мог быть и чем-то другим.

И вот, когда часы где-то в глубине дома пробили полночь (их бой был глухим и печальным, будто они отзванивали время для мёртвых), она услышала это.

Музыку.

Она шла откуда-то издалека, снизу или сверху — акустика в каменных стенах была обманчивой. Сначала это были отдельные, робкие ноты, словно кто-то осторожно пробовал

клавиши. Потом они сложились в мелодию. Нежную, печальную, невероятно сложную. Это была фортепианная пьеса, исполненная с такой виртуозностью и такой глубокой, пронзительной грустью, что у Элис перехватило дыхание. Музыка лилась по коридорам, просачивалась сквозь щели в двери, обволакивала холодную комнату. В ней была вся тоска этого дома, всё его одиночество, вся его запертая в камне красота.

Элис встала с кровати, накинула на плечи плед и прильнула ухом к холодной деревянной двери. Музыка стала чуть громче. Она была живой, дышащей. Играл ли это граф? Это должно быть он. Людвиг вряд ли был способен на такое. Но человек, который диктовал правила о запрете мажорных мелодий по вторникам... как он мог создавать такую красоту?

Она простояла так, не двигаясь, пока последние ноты не растворились в тишине, оставив после себя звенящую, болезненную пустоту. Внезапно музыка оборвалась на середине фразы, с резким, диссонирующим аккордом, будто крышка рояля с грохотом захлопнулась.

Затем — тишина. Ещё более гнетущая, чем прежде.

Элис медленно вернулась в кровать. Её сердце билось часто-часто. Она думала о графе. О его бледных руках на клавишах. О его одиноком голосе, который диктовал абсурдные правила в зелёной гостиной. Кто он был на самом деле? Обидчивый призрак? Сумасшедший отшельник? Или просто очень, очень одинокий человек, окруживший себя ритуалами и запретами, чтобы как-то заполнить пустоту трёхсот

лет?

Засыпая, она уже почти не боялась скрипов и шёпотов. В её ушах всё ещё звучала та мелодия. И вместе с ней пришла новая мысль — упрямая, как она сама. Если этот человек может создавать такую музыку, в нём должно быть что-то большее, чем язвительность и набор безумных правил. И она, Элис Хоторн, горничная с правом на воскресные булочки, возможно, как-нибудь сможет до этого «чего-то» докопаться.

Где-то на другом конце поместья, в тёмной, запертой музыкальной гостиной, Адриан фон Лер сидел перед закрытым роялем, положив лоб на гладкую, прохладную крышку. Его пальцы слегка подрагивали. Он играл. Впервые за много месяцев он позволил себе сыграть что-то настоящее, а не просто бессмысленные гаммы, чтобы проверить, не разучились ли его руки. И он почувствовал, как что-то внутри, давно замёрзшее, дрогнуло и дало болезненную трещину. Это было опасно. Очень опасно.

Он резко поднял голову и уставился в темноту.

— Глупость, — прошептал он хрипло. — Чистейшая, бесполезная глупость.

Но в тишине комнаты, ещё полной отзвуками музыки, эти слова прозвучали неубедительно даже для него самого.

Глава 3

Элис проснулась от того, что замёрз нос. Весь остальной организм под одеялами ещё пребывал в сонной неге, но кончик носа, торчавший наружу, стал маленьким ледышкой, сигнализируя о начале нового дня в Вальдграфе. Сон был тяжёлым, насыщенным странными образами: пыль, превращавшаяся в золотой туман, портреты, шептавшие на непонятном языке, и грустная фортепианная мелодия, которая обвивалась вокруг неё, как шелковая лента, то удушая, то лаская.

Она села, потирая лицо ладонями. В комнате царил сизый полумрак — тот предрассветный час, когда тени кажутся гуще, а предметы теряют чёткие очертания. Вчерашняя победа с булочками казалась сейчас далёкой и немного смешной. Перед ней лежал день, полный запретов на пение, общения с теньями и избегания лунных пятен. Но была и музыка. Мысль о ней согревала сильнее жакета.

Она умылась остатками тёплой воды из кувшина (вода была теперь ледяной), надела своё самое тёплое платье — коричневое, немаркое, практичное — и вышла в коридор. Тишина была абсолютной, но не мирной. Она была натянутой, как струна, готовой дрогнуть от любого звука. Элис пошла в сторону Южной галереи, дорогу к которой она с трудом, но запомнила.

Южная галерея была длинным, просторным помещением с рядом высоких, узких окон, выходивших на заросший сад. Вчера она лишь мельком увидела его в сумерках, теперь же, в сером утреннем свете, открылось всё его запущенное великолепие. Паркетный пол, когда-то, должно быть, сиявший, был покрыт толстым слоем серой пыли, сквозь который проступали тёмные разводы от влаги. На стенах висели гобелены, изображавшие сцены охоты, но лица охотников и морды собак были съедены молью и временем, превратившись в жутковатые, полустёртые маски. Воздух стоял спёртый, тяжёлый, с тем самым сладковато-горьковатым запахом увядания.

«Ну что ж, — мысленно вздохнула Элис, окидывая взглядом поле битвы. — Начнём с воздуха».

Первое окно отказывалось открываться, заклинившее намертво. Второе поддалось с пронзительным, душераздирающим скрипом, но дальше щели в палец не пошло. Третье, самое большое, в центре галереи, после яростной борьбы, в ходе которой Элис чуть не вывихнула запястье, вдруг распахнулось с таким оглушительным грохотом, будто в доме произошёл взрыв. Ржавые петли взвыли в унисон, старая рама задрожала, и в галерею хлынул поток ледяного, свежего утреннего воздуха.

Это был не просто сквозняк. Это был ураган. Он ворвался, как долгожданный освободитель, взметая с пола столетия пыли. Серые ковры взлетели в воздух, закружились в при-

чудливом, бешеном танце. Пыль с гобеленов поднялась тучами. Сухие листья, занесённые когда-то в щели, зашуршали, понеслись по полу. Воздух вмиг очистился от затхлости, наполнившись запахом мокрой земли, хвои и свободы. Элис, стоя у окна с победно поднятым подбородком, глубоко вдохнула. Это было прекрасно.

Блаженство длилось ровно двадцать секунд.

— КТО, — раздался позади неё голос, тихий, но настолько насыщенный ледяной яростью, что температура в галерее, казалось, упала еще на десять градусов, — **ЗДЕСЬ УСТРОИЛ УРАГАН ИЗ ПЕРВОГО КРУГА АДА?**

Элис резко обернулась. В дверном проёме галереи стоял граф Адриан фон Лер. Он был бледен как смерть, даже больше, чем обычно. Его чёрные волосы, обычно уложенные с небрежной элегантностью, сейчас были слегка всклокочены, будто он вскочил с постели и бежал сюда. На нём был тёмно-зелёный бархатный халат, брошенный на плечи поверх ночной рубашки, и он сжимал его полы белыми костяшками пальцев. Его янтарные глаза горели холодным, нечеловеческим огнём.

— Я... я просто проветривала, — выдавила Элис, чувствуя, как под этим взглядом у неё подкашиваются ноги. — Здесь невозможно дышать.

— Невозможно дышать? — он шагнул вперёд, и пыльный вихрь, словно испугавшись, обогнул его, оставив в странном затишье. — Мадемуазель Хоторн, здесь не дышат. Здесь су-

существуют. Существуют в тщательно выверенном балансе покоя, тишины и стагнации. Вы же ворвались сюда, как викинг в монастырь, и устроили... это! — он взмахнул рукой, указывая на кружащуюся пыль. — Вы нарушили покой пыли, которой триста лет! Вы напугали пауков! Вы, чёрт возьми, заставили гобелен плакать пылью!

Элис, ошеломлённая такой реакцией, могла только смотреть на него широко открытыми глазами. Он говорил о пыли, как о живом, почти священном существе.

— Я... прошу прощения, — пробормотала она. — Я закрою.

— Закрывать уже поздно! — он фыркнул, и его взгляд упал на окно, за которым открывался вид на сад, залитый теперь мягким, рассеянным светом сквозь облака. — Свет. Вы впустили свет. Вы знаете, что свет делает с атмосферой этого дома? Он её разрушает. Он всё показывает. Всю эту... неприглядную реальность.

Он говорил с искренней, глубокой обиженностью, будто она не окно открыла, а сорвала с него одежду. Но в его словах Элис уловила не только раздражение. Была там и какая-то странная, почти животная тревога. Как будто свет был для него не просто неудобством, а настоящей угрозой.

— Я просто хотела сделать свою работу, сэр, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — А работать в таком воздухе нельзя. Это вредно для здоровья.

— Здоровья? — он икнул коротким, безрадостным смехом.

ком. — О, это драгоценно. Здоровье. Давайте все будем здоровы и счастливы в этом мавзолее. Замечательная идея. А теперь закройте это окно, пока весь дом не простудился от потока... жизнерадостности.

Элис, стиснув зубы, потянула тяжёлую раму на себя. Окно закрылось с ещё более громким стуком, от которого задрезжали стёкла. Пыль, лишённая источника сквозняка, начала медленно оседать, покрывая всё новым, свежим слоем. В галерее снова стало тихо и душно.

Граф стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за этим процессом с видом сурового судьи. Казалось, он успокаивался. Его дыхание стало ровнее, огонь в глазах поугас, сменившись привычной усталой холодностью.

— Впредь, — произнёс он назидательным тоном, — любые манипуляции с окнами, дверьми, заслонками, шторами и прочими границами между внутренним и внешним миром согласовываются со мной или, в крайнем случае, с Людвигом. Уборку производить в соответствии с пунктом первым: пыль стирать, не поднимая. Если вы не в состоянии понять эту простую механику, я могу продемонстрировать. Предполагается, что вы имитируете движение ласки, крадущейся за добычей, а не медведя, танцующего в малиннике. Понятно?

— Понятно, сэр, — сквозь зубы ответила Элис.

Он кивнул, казалось, удовлетворённый, и повернулся, чтобы уйти. В этот момент в галерею, через высокое окно напротив, пробился луч солнца. Облако на мгновение разо-

рвалось, и яркий, почти осязаемый солнечный столб упал на паркет, разрезав полумрак комнаты. Пыль в луче заиграла миллиардами золотых искр. Луч упал прямо на спину отступающего графа, осветив его фигуру сзади.

И Элис увидела.

На ярко освещённом паркете, на фоне кружащей золотой пыли... не было никакой тени. От высокого канделябра у стены — да, длинная, искажённая тень. От вазы на столе — да, расплывчатое тёмное пятно. Но от самого графа Адриана фон Лера, стоящего в самом центре солнечного луча, не падало ничего. Пол под ним был равномерно освещён. Он был человеком без тени.

Ледяной ужас, острый и мгновенный, сковал Элис. Все сказки, все страшные истории, все суеверия, которые она когда-либо слышала, разом всплыли в памяти. Вурдалаки. Призраки. Демоны. Существа, лишённые тени, лишённые отражения, лишённые души. Её рука инстинктивно потянулась к крестику на груди, но его там не было — она сняла цепочку, когда умывалась.

Она не смогла сдержать тихий, задыхающийся вздох.

Граф замер. Он не обернулся, но его плечи напряглись. Он понял. Он понял, что она увидела. Медленно, очень медленно он повернулся к ней лицом. Солнечный луч теперь бил ему прямо в глаза, и он прищурился — болезненно, будто свет причинял ему физическую боль. Его лицо в этом ослепительном свете казалось вырезанным из белого мрамора,

почти просвечивающим.

— Что-то не так, мисс Хоторн? — спросил он. Его голос был неестественно ровным, обманчиво спокойным. — Вы выглядите так, будто увидели... ну, я не знаю. Призрака.

Элис попыталась говорить, но горло было пересохшим. Она только указала дрожащим пальцем на пол за его спиной, на тот яркий, чистый от тени участок паркета.

Граф проследил за её жестом. Он посмотрел на пол, потом на своё тело, потом снова на неё. На его лице не было ни страха, ни гнева. Только глубокая, бездонная усталость и что-то ещё — горькая, чёрная ирония.

— А, — произнёс он тихо. — Это.

Он сделал шаг в сторону, выйдя из солнечного луча, и тут же, словно по мановению волшебной палочки, на полу появилась тень. Нет, не его тень. Тень от того самого канделябра, только теперь она легла под другим углом, частично перекрывая место, где он только что стоял. Это был обман зрения, простая игра света. Но они оба знали правду.

— У вас... нет тени, — наконец выдавила Элис. Звук её собственного голоса, полный первобытного страха, испугал её саму.

Граф вздохнул. Долгим, усталым выдохом, будто он тысячу раз объяснял это и снова устал.

— У меня нет многих вещей, мисс Хоторн, — сказал он, и его бархатный голос приобрёл странную, отстранённую мягкость. — Нет возможности уехать в Италию послушать опе-

ру. Нет свежего номера «Панча». Нет тени. Это просто ещё один пункт в длинном списке отсутствий.

— Но... как? Почему?

Он посмотрел на неё, и в его янтарных глазах она увидела не злость, а почти что... вызов. Вызов её страху.

— Я продал её, — сказал он просто, поворачиваясь и медленно направляясь к двери. — За хорошую цену. Очень выгодная сделка, знаете ли. Тень — такая бесполезная штука. Вечно таскаешь её за собой, как приставучую собаку. А тут подвернулся один... деловой партнёр. Так что теперь я свободен от этого бремени.

Он говорил это с такой мрачной, самоуничижительной шутливостью, что Элис на мгновение опешила. Это была шутка. Чёрная, леденящая душу шутка, но шутка. Он не набрасывался на неё с клыками, не испарялся в клубах тумана. Он просто стоял там, бледный, уставший человек в бархатном халате, и язвил по поводу продажи собственной тени.

— Вы... продали свою тень? — переспросила она, не веря своим ушам.

— Да. Получил за неё семь лет удачи, мешок золотых монет и рецепт идеального штруделя, — он уже был в дверях, его фигура растворялась в полумраке коридора. Голос донёсся до неё, приглушённый и насмешливый. — Штрудель, кстати, оказался отвратительным. Так что, как видите, не все сделки с нечистой оправдывают ожидания. Теперь, если вы закончили инспектировать мою... светопроницаемость, у

меня есть дела. И, мисс Хоторн?

— Да? — отозвалась она, всё ещё не в силах прийти в себя.

— Когда будете «стирать пыль, не поднимая», помните: даже у пылинки есть тень. Уважайте её. Она, в отличие от моей, на месте.

И он исчез.

Элис осталась одна в галерее, где пыль постепенно оседала, возвращая всему привычный вид заброшенности. Солнечный луч за окном поймал другое облако и потускнел, затем вовсе исчез, погрузив комнату в ровный серый свет. Она подошла к тому месту, где он стоял. Присела, провела ладонью по паркету. Он был просто холодным и пыльным.

Что это было? Галлюцинация от усталости? Оптическая иллюзия, созданная игрой света, пыли и её собственным напряжённым состоянием? Или он и вправду... не отбрасывал тени?

«Я продал её. За хорошую цену».

Эти слова звенели у неё в голове. В них была какая-то безумная, трагическая логика, вписывающаяся в общую картину Вальдграфа. А что, если это правда? Не в буквальном смысле продажи, конечно, но... что, если его проклятие, его привязанность к этому месту как-то связана с этим? С потерей части себя? С чем-то, что забирает даже тень?

Она встала и медленно пошла к ведру с водой и тряпкам, которые приготовил Людвиг. Её первоначальный ужас сме-

нился жгучим, неутолимым любопытством, смешанным с непонятной жалостью. Он шутил. На краю пропасти, но шутил. Человек, способный на такую музыку и на такую горькую иронию, не мог быть просто монстром. В нём была какая-то страшная, изломанная человечность.

Всё утро она убиралась, стараясь двигаться плавно, как ласка (хотя представление о том, как двигается ласка, у неё было весьма смутное). Она думала о тени. О цене. О том, что можно продать, а что — нет. И о том, что завтра воскресенье. И у неё будет кухня, мука, сахар и корица.

И, возможно, возможность предложить что-то большее, чем носовой платок. Что-то тёплое, пахнущее домом и жизнью. Возможно, даже тому, кто утверждает, что продал свою тень.

Где-то в своём кабинете, плотно задёрнув шторы, Адриан фон Лер стоял у окна, не глядя наружу. Он сжимал и разжимал кулак, наблюдая, как мышцы на его бледной руке двигаются под кожей. Живые. Настоящие. Он был жив. Из плоти и крови. Но солнце, пробившееся в галерею... оно было опасно. Оно показывало то, что нельзя показывать.

«Продал её за хорошую цену». Глупая шутка. Но она сработала. Он увидел в её глазах смену эмоций: ужас, недоверие, замешательство, и наконец — то самое проклятое любопытство. Оно было опаснее страха. Страх отталкивал. Любопытство — притягивало.

Он вздохнул и потянулся к графину на столе. В нём была

не вода. Прозрачная жидкость отливала слабым янтарным светом, похожим на цвет его глаз. Он налил немного в стакан, но пить не стал. Просто смотрел, как свет из щели в шторах играет в глубине напитка.

— Булочки с корицей, — пробормотал он в тишину кабинета. — Чёрт бы побрал всё на свете.

Глава 4

После утреннего инцидента со сквозняком и тенью, Вальдграф словно затаился. Тишина стала не просто отсутствием звука, а активным участником бытия. Она давила на уши, заставляя прислушиваться к собственному сердцебиению. Элис, закончив ритуальное протирание пыли в Южной галерее (она добилась некоторого успеха, имитируя движения не ласки, а, скорее, усталого слизня), почувствовала, что границы её владений невыносимо тесны.

Людвиг, появившийся как тень с подносом с очередной порцией серого варева (сегодня с плавающими в нём полупрозрачными луковыми кольцами, похожими на глаза утопленников), подтвердил её догадку.

— Южное крыло убрано удовлетворительно, — произнёс он, ставя поднос на единственный чистый угол комода. — По меркам Вальдграфа, «удовлетворительно» означает «не спровоцировало явных потусторонних активностей». Завтра можете приступать к коридорам второго этажа. Только не заходите в тупик перед библиотекой. Там живёт сквозняк со скверным характером.

Элис кивнула, помешивая ложкой в миске без особого энтузиазма.

— А что находится в Западном крыле? Оно тоже входит в мои обязанности?

Лицо Людвига, обычно представлявшее собой маску вежливого отстранения, дрогнуло. Незначительно. Мышца около левого глаза дернулась так, будто он почувствовал внезапную боль.

— Западное крыло, — произнёс он, и его голос стал особенно сухим, — не входит ни в чьи обязанности. Оно заперто. Мастер фон Лер не желает, чтобы туда проникали.

— Почему? — спросила Элис, и её любопытство, подогретое утренними событиями, заставило забыть о всякой осторожности.

— Потому что там живёт Особая Тоска, — ответил Людвиг, как если бы объяснял, что в сарае живёт лопата. — И её не стоит беспокоить. Тоска — существо капризное. Оно может прилипнуть. Теперь, если позволите, у меня есть обязанности.

Он развернулся и поплыл прочь, оставив Элис с миской остывающей бурды и жгучим вопросом: что за «Особая Тоска» может жить в запертом крыле поместья?

Этот вопрос не давал ей покоя весь день. Пока она вытирала пыль с бюстов древних философов в коридоре второго этажа (один из них, Сенека, имел особенно скорбное выражение лица, будто предвидел, что окажется в таком месте), её мысли крутились вокруг Западного крыла. Тоска. Это могло быть всё что угодно: привидение замученной служанки, дух отвергнутой невесты, заточённое чудовище... или просто метафора, которую Людвиг использовал, чтобы отвести

лишние вопросы.

К вечеру её решимость достигла предела. Она должна была увидеть эту дверь. Хотя бы одним глазком.

Найти путь в Западное крыло оказалось сложнее, чем она думала. Карта Вальдграфа в её голове была фрагментарной и путаной. Крылья дома не сходились в логичной точке, а коридоры, ведущие на запад, упорно выводили её к знакомым местам: к библиотеке, к Зелёной гостиной, назад к её комнате. Это было похоже на дурной сон, в котором цель всегда ускользает.

Она уже готова была сдаться, когда наткнулась на узкую, неприметную лестницу, спрятанную за тяжёлым gobelеном, изображавшим, кажется, сцену из «Божественной комедии» (грешники в особенно мрачном уголке ада). Лестница вилась вниз, в полутьму, и пахло оттуда сыростью и мышами. Но в самом низу, в слабом свете из узкой бойницы, она увидела другую дверь — не ту, которую искала, но за ней слышался... звук.

Монотонное, ритмичное шуршание. Тук-тук-шурш. Тук-тук-шурш.

Элис спустилась по скрипучим ступеням и приоткрыла дверь. За ней оказалась небольшая кладовая или подсобка. В центре, за столом, при свете единственной коптилки сидел Людвиг. Перед ним стояла большая фарфоровая ваза невероятной, даже в полумраке заметной красоты. Белоснежная, с тончайшей росписью в виде летящих журавлей и цветущей

сакуры. И Людвиг... полировал её. Не просто вытирал пыль. Он совершал сложный, почти священный ритуал.

В его руках был крохотный, не больше ладони, лоскуток шёлка цвета слоновой кости. Он окунал его в небольшую чашечку с каким-то маслом (воздух пах миндалём и воском), а затем, с невероятной, хирургической точностью, начинал водить им по поверхности вазы. Каждое движение было выверенным: три круговых пасса по широкой части, два длинных штриха по горлышку, лёгкое касание края. Потом он откладывал один лоскуток, брал другой, абсолютно идентичный, и начинал снова. Его лицо при этом было полностью лишено выражения. Не медитативное спокойствие, а пустота. Как будто его сознание отключилось, а тело выполняло заученную за века программу.

Элис застыла на пороге, замороженная этим странным зрелищем. Час? Два? Он мог делать это целую вечность. Она кашлянула.

Людвиг не вздрогнул. Он просто завершил текущий цикл (три круга, два штриха, касание), аккуратно положил лоскуток на стол и медленно повернул к ней голову.

— Мисс Хоторн. Вы заблудились. Это не Западное крыло.

— Я... я слышала звук, — соврала Элис, входя в комнату. Воздух здесь был тёплым и плотным от запаха масла. — Что вы делаете?

— Поддерживаю порядок, — ответил он, как будто это было очевидно. — Ваза династии Цин. Очень хрупкая.

Очень одинокая. Ей требуется постоянное внимание. Иначе она может... загрустить.

Он говорил о вазе, как о живой. И в его голосе не было и тени юмора.

— Вы делаете это... часто? — спросила Элис, приближаясь. При ближайшем рассмотрении ваза и вправду была шедевром. Но на её поверхности не было ни пылинки, ни пятнышка. Она и так сияла идеальной белизной.

— С тех пор как мастер приобрёл её в 1798 году, — ответил Людвиг, снова беря лоскуток. — С небольшими перерывами. Это моя основная обязанность. Всё остальное — суета.

Элис не могла поверить своим ушам. Весь этот огромный, разваливающийся дом, все эти залы, полные тайн и, возможно, призраков, а его главная работа — полировать одну и ту же вазу?

— Но... дом. Уборка. Граф...

— Мастер фон Лер понимает важность постоянства, — перебил её Людвиг, и в его глазах мелькнула твёрдая, ледяная искорка. — Ваза — это точка равновесия. Пока она на своём месте и находится в надлежащем состоянии, в доме сохраняется... баланс. Теперь, — он снова обратился к вазе, его пальцы начали новый цикл полировки, — если вы ищите Западное крыло, вам нужно подняться на два этажа выше и найти коридор за витражом со сценой битвы. Дверь обита тёмным дубом и скреплена железными скобами. Вы её не спутаете. И, мисс Хоторн?

Он не отрывал взгляда от журавля, над которым водил шёлком.

— Да?

— Помните о Тоске. Она не любит, когда её тревожат без крайней нужды. А крайней нужды, поверьте, у вас нет.

Сердце Элис билось чаще, когда она поднималась по лестницам, следуя указаниям Людвига. Витража со сценой битвы она нашла легко: он был огромным, занимал всю стену, и на нём в кровавых багровых и синих тонах была изображена какая-то древняя сеча. Свет снаружи, пробиваясь сквозь цветное стекло, отбрасывал на пол призрачные, окровавленные тени воинов.

За витражем коридор сужался и делал резкий поворот. И там она увидела Её.

Дверь в Западное крыло была не просто заперта. Она выглядела как ворота в крепость. Глубокого, почти чёрного дуба, с массивными железными скобами, пересекавшими её накрест. Замок был старинным, сложным, с замочной скважиной такой формы, что ключ к нему, должно быть, был отдельным произведением искусства. Но что поразило Элис больше всего — вокруг двери не было пыли. Пол перед ней был подметён, панели отполированы до лёгкого блеска. Кто-то ухаживал за этой дверью, поддерживая её в идеальном состоянии, не пытаясь открыть.

Она подошла ближе. Воздух здесь был другим — не затхлым, а сухим, холодным и неподвижным, как в склепе. Она

приложила ладонь к дереву. Оно было ледяным, несмотря на то, что в доме в целом было прохладно. И тихо. Так тихо, что она слышала, как поёт кровь в её собственных ушах.

«Особая Тоска».

Что это могло быть? Она приложила ухо к дереву. Ни звука. Ни шагов, ни стонов, ни шёпота. Только эта всепоглощающая, давящая тишина. И вдруг — не звук, а ощущение. Лёгкая, едва уловимая вибрация, прошедшая сквозь толщу дерева. Не грубая, как от шагов, а тонкая, почти музыкальная, словно кто-то на другом конце провёл смычком по натянутой струне. Или... вздохнул. Очень глубоко и очень печально.

Элис отпрянула, как от ожога. Её дыхание спёрло. Это было не её воображение. Там что-то было. Что-то, что дышало тишиной и порождало эту леденящую вибрацию.

Она вспомнила утренний разговор. «Я продал её. За хорошую цену». Что, если Тоска — это не призрак, а что-то, что он потерял? Что-то, что было заперто вместе с частью его самого? Или, может, наоборот — Тоска была тем, что он приобрёл в результате своей сделки? Платой?

Она стояла перед дверью ещё несколько минут, но больше ничего не происходило. Только холод и тишина. И это было страшнее любых звуков. Она развернулась и почти побежала обратно по коридору, под кровавыми тенями витража, чувствуя на спине тяжёлый, незримый взгляд запертой двери.

Вернувшись в свою комнату (теперь это ощущалось как

возвращение в укрытие), Элис зажгла свечу — одну из тех, что ей выделили, — и села на кровать. Разум её лихорадочно работал, складывая разрозненные кусочки в единую, пугающую картину.

Факт первый: Граф не может покинуть поместье. Факт второй: У него нет тени (или она невидима, что, в сущности, одно и то же). Факт третий: В Западном крыле, за дверью, за которой ухаживают, но никогда не открывают, живёт «Особая Тоска». Факт четвёртый: Людвиг проводит века, полируя одну вазу, поддерживая «баланс».

Что, если всё это связано? Что, если проклятие, о котором он намекнул, как о «сделке», заключалось не просто в привязке к месту? Что, если ему пришлось заплатить частью своей сущности? Или запереть часть своей души, чтобы остальное могло существовать? Тоска в Западном крыле — это могла быть его собственная тоска, материализованная, запертая, как опасный зверь. Или тоска по ком-то, кого он потерял. Его сестра? Возлюбленная? Его собственная человечность?

А ваза? Баланс? Возможно, это был какой-то якорь, артефакт, который удерживал всё это хрупкое равновесие от разрушения. Пока ваза сияет, Тоска остаётся за дверью, граф остаётся в доме, а тень... тень остаётся проданной.

Мысли кружились, как осенние листья в воронке. Элис чувствовала себя одновременно испуганной и... возбуждённой. Она ступила на территорию настоящей тайны. Не про-

сто странностей эксцентричного аристократа, а чего-то глубокого, трагического и, возможно, магического.

Она потушила свечу и легла в постель. Но сон не шёл. Перед её внутренним взором стояла та дверь: тёмная, скреплённая железом, холодная на ощупь. И ей слышался тот самый вздох — не ушами, а чем-то другим, более глубоким чувством.

Она решила. Завтра воскресенье. Булочки. Она испечёт не просто булочки. Она испечёт нечто такое, что пахнет жизнью, теплом, домом. И отнесёт их графу. Не из вежливости. А как пробный шар. Как попытку протянуть что-то через ту пропасть странностей, что их разделяла. Посмотреть, как он отреагирует на простое человеческое добро в этом доме, где всё было подчинено ритуалам, запретам и балансу, держащемуся на полировке фарфора.

А потом... потом, возможно, она осторожно спросит. О Западном крыле. О Тоске. Не напрямую, конечно. Но как-нибудь.

В каморке у вазы Людвиг завершил свой десятитысячный цикл полировки за вечер. Он аккуратно сложил лоскутки шёлка, закрыл флакон с маслом и погасил коптилку. В темноте ваза слабо светилась, как призрачная луна. Он сидел неподвижно несколько минут, потом прошептал в темноту, обращаясь не к вазе, а к чему-то за её пределами:

— Она подошла к двери. Прикасалась. Слышала. Любопытство — это семя, которое прорастает даже в каменной

почве. Что же вырастет из этого, мастер? Цветок или сорняк?

Ответа не последовало. Только далёкий, знакомый скрип балок где-то высоко под потолком. Людвиг кивнул, как будто этот скрип и был ответом, и бесшумно вышел, запер за собой дверь, оставив вазу в совершенной, блестящей, вечной темноте.

Глава 5

Воскресенье в Вальдграфе началось с тонкого, почти неуловимого изменения в атмосфере. Не с солнца — плотные облака, как всегда, припали к башням серой ватой, — а с ощущения в костях Элис. Сегодня был её день. День булочек. Пункт, вырванный у графа в переговорах, теперь казался не просто победой, а священным правом, маяком в море абсурда.

Однако прежде чем отправиться на кухню, предстояла ещё одна битва. Людвиг, появившись с утренним чаем (сегодня в нём плавал одинокий листочек мяты, выглядевший как утонувшая надежда), объявил без тени сомнения:

— После ваших манипуляций с окнами, мастер счёл необходимым расширить зону вашей ответственности. Сегодня вы приведёте в порядок Бальный зал.

Элис почувствовала, как в груди что-то ёкнуло — смесь страха и предвкушения. Бальный зал! Сердце любого помещика. И, без сомнения, сердце, покрытое вековой плесенью.

— А... кухня? Мои булочки? — осторожно напомнила она.

— После того, как зал будет убран, — произнёс Людвиг, и в его голосе прозвучала сталь. — При условии, что вы не устроите там нового апокалипсиса. Припасы уже выделены и находятся на кухне. Мука, дрожжи, корица. Сало.

— Сало? — переспросила Элис, морщась.

— Для смазки противня. Мастер не одобряет расточительство на специальные масла. И помните, — он сделал паузу у двери, — Бальный зал обладает... чувствительной акустикой. И памятью. Будьте почтительны.

Схема была ясна: препятствие перед наградой. Проверка на прочность. Элис выпила чай, съела кусок хлеба (сегодня с тончайшим слоем чего-то, напоминавшего прогорклое масло) и, полная решимости, отправилась на поиски места будущей битвы.

Бальный зал нашёлся на втором этаже, в самом конце парадной анфилады. Двери в него были двустворчатыми, высотой почти до потолка, из тёмного резного дерева. Когда Элис, накопившись сил, толкнула их, они поддались с протяжным, скорбным стоном, словно сами не желали открывать то, что скрывали.

И перед ней открылось... царство забвения.

Зал был огромным. Высокий потолок с лепниной в виде херувимов и виноградных лоз теперь служил основой для грандиозных архитектурных сооружений, созданных пауками. Паутина висела не просто кружевами — она образовывала целые свисающие галереи, арочные своды, занавеси, которые колыхались от сквозняка, пришедшего с ней вместе. Толстые, седые от пыли нити спускались с карнизов, соединялись с паутиной на люстрах (огромных, хрустальных, но теперь похожих на гигантские коконы) и тянулись к полу,

образуя призрачный лес.

Пол, когда-то отполированный до зеркального блеска для вальсов и мазурок, был покрыт толстым, мягким ковром пыли, на котором отпечатались следы мелких животных — птичьих лапки, мышинные цепочки. Ряды стульев вдоль стен стояли, закутанные в саваны из серого тюля, а на рояле в углу, как на катафалке, лежало покрывало, с которого свисали кисти, напоминавшие слезы.

Воздух был неподвижен и густ. Он пах старым деревом, затхлостью, тленом и чем-то ещё — призрачным ароматом давно испарившихся духов, пудры и воска для паркета. Это было самое печальное место, которое Элис видела в своей жизни. Оно не было зловещим, как коридор у Западного крыла. Оно было бесконечно одиноким.

И именно это одиночество разозлило её. Это была красота, предназначавшаяся для жизни, света, музыки. А её похоронили под пылью и паутиной. Хорошо. Если граф фон Лер хотел уборки, он её получит. Не осторожного протирания, а тотальной войны.

Она нашла кладовку рядом с залом. Там, среди сломанных рам и порванных гобеленов, стояла её армия: метла с полуоблезлой щетиной, швабра с тряпкой, похожей на мочало, и вёдра. Никаких перчаток, никакого головного убора. Элис закатала рукава, надела поверх платья старый фартук, найденный на гвозде, и, сжав в руках метлу, как копьё, переступила порог царства пауков.

Она начала с периметра, сбивая метлой самые низкие пряди паутины. Первые же взмахи подняли облака пыли, заставившие её закашляться. Пауки — чёрные, упитанные, размером с монету — в панике бросились врассыпную, скрываясь в щелях плитусов. Их эвакуация напоминала бегство мирных жителей с поля боя.

Затем она перешла к швабре. Привязав к ней ту самую тряпку, она попыталась смахнуть паутину с одного из стульев. Это было ошибкой. Тряпка зацепилась за паутину, потянула за собой целую гирлянду серых нитей, и на Элис с потолка обрушился комок пыли, паутины и чего-то мелкого и сухого, что могло быть давно умершими насекомыми. Она вскрикнула, отпрыгнула, отряхиваясь, и случайно задела ногой ведро. Оно с грохотом покатилося по паркету, его гулкое эхо покатилося по залу, ударяясь о стены и возвращаясь многократным, насмешливым гулом.

«Чувствительная акустика», — вспомнила она слова Людвига. Что ж, пусть чувствует.

Элис вдохнула полной грудью (снова закашлявшись) и пошла в атаку. Она уже не старалась быть осторожной. Она нападала. Метла свистела в воздухе, сбивая целые пласты паутины с карнизов. Швабра, подобно копыю сумасшедшего рыцаря, пронзала паутинные завесы на люстрах, заставляя их колыхаться, как призраки в агонии. Она пела. Не мажорные мелодии — это был вторник, чёрт возьми! — а боевую, бессловесную песню, состоявшую из хриплых возгласов, фыр-

канья и сдавленного смеха, когда очередной особо упрямый клочок паутины, наконец, сдавался и падал к её ногам.

Она была одинока в этой битве, окружённая клубами пыли, которые теперь, в редких лучах света, пробивавшихся сквозь высокие запылённые окна, казались золотыми туманами. Она не видела, что на хорах для музыкантов, на самом верху, в глубокой нише за барьером, стояла тёмная, неподвижная фигура.

Адриан фон Лер пришёл сюда не для того, чтобы наблюдать. Он пришёл, потому что звуки битвы — грохот, гулы, сдавленные крики — донеслись даже до его кабинета, нарушив привычную тишину, и он решил, что в дом вломились вандалы или, что ещё хуже, оптимистично настроенные реставраторы. То, что он увидел, заставило его застыть в изумлении.

Внизу, в эпицентре пылевого смерча, металась маленькая, энергичная фигурка в грязном фартуке. Она сражалась с паутиной так, будто это была армия злых духов. Её движения были не грациозны, а полны отчаянной, грубой эффективности. Она прыгала на стул, чтобы дотянуться до очередного «занавеса», поскользнулась, едва не упала, схватилась за спинку, расхохоталась — коротко, звонко, — и снова пошла в атаку. Солнечный луч, пробившийся сквозь окно после того, как она нечаянно смахнула ком пыли со стекла тряпкой, упал прямо на неё, превратив кружащуюся вокруг пыль в золотой ореол. В этом хаосе, в этом шуме, в этой пыли она

была... живой. Яростно, неудержимо, вызываясь живой.

И он улыбнулся.

Это произошло неосознанно, против его воли. Уголки его губ дрогнули и потянулись вверх, смягчив резкие, холодные линии его лица. В его янтарных глазах, обычно отражавших лишь скуку или сарказм, вспыхнула искра — чистейшего, неподдельного, почти забытого удивления и... потехи. Она напоминала ему котёнка, нападающего на клубок шерсти в десять раз больше себя. Маленький, но очень шумный ураган.

Но улыбка прожила на его лице всего мгновение. Он почувствовал её, как физическую боль — растяжение мышц, непривычное и потому опасное. Он поймал себя на этом. На том, что наблюдает за служанкой. На том, что ему интересно. На том, что этот хаос, это нарушение всех правил, это вторжение жизни в его мёртвый зал... не раздражает его. Не совсем.

Он нахмурился. Глубже, чем обычно. Свод бровей сошёлся в тёмную, грозную линию. Это было глупо. Сентиментально. Опасно. Она была слугой. Временным явлением, которое, скорее всего, не переживёт и месяца, как все предыдущие. Она вносила беспорядок, шум, свет. Она заставляла его помнить о вещах, помнить о которых было невыносимо больно — о балах, о музыке, о том, как солнечный свет играл в хрустале люстр, а не пылился на них.

Он развернулся, чтобы уйти. Пусть устраивает свой цирк.

Но в этот момент внизу что-то произошло.

Элис, пытаясь добраться до особенно высокого пучка паутины в углу, встала на подоконник. Камень был холодным и скользким от конденсата. Нога соскользнула. Она вскрикнула, метля полетела в одну сторону, а она, описав неловкую дугу, рухнула на мягкий, толстый слой пыли на полу. Удар был несильным, но ошеломительным. Она лежала на спине, глядя ввысь, на освобождённые от паутины херувимов на потолке, которые теперь смотрели на неё с каменным удивлением. Весь зал замер. Пыль начала медленно оседать, покрывая её, как снежное одеяло.

И тогда она рассмеялась. Сначала тихо, потом всё громче. Это был не истерический смех, а смех облегчения, абсурда и чистой, детской радости от того, что она жива и что битва, в сущности, выиграна. Звук смеха, чистый и звонкий, поднялся к самым сводам, отскакивая от стен, наполняя мёртвый зал чем-то совершенно новым.

На хорах Адриан замер, уже полуобернувшись к выходу. Этот смех ударил его, как физическая сила. Он давно не слышал ничего подобного. Этот звук был таким же чуждым для Вальдграфа, как пение тропических птиц. Он заставил его сердце — то самое сердце, что, как он был уверен, давно превратилось в кусок льда, — сделать одно странное, судорожное биение. Больно и... сладко.

Он сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль вернула его к реальности. К его реальности. Он больше не мог здесь

оставаться. Ещё мгновение — и он сделает что-нибудь недобдуманное. Скажет что-нибудь. Покажется.

Он бесшумно отступил вглубь ниши и растворился в темноте коридора, ведущего от хоров. Его шаги были быстрыми и резкими. Он шёл, не видя ничего вокруг, пока не упёрся в дверь своего кабинета. Зайдя внутрь и захлопнув дверь, он прислонился к ней спиной, закрыв глаза.

В ушах ещё звенел тот смех. Перед глазами стояла картина: золотая пыль, луч света и эта маленькая, поверженная, но смеющаяся фигурка.

«Маленький, но очень шумный ураган», — повторил он про себя, и слова уже не звучали как насмешка. Они звучали как констатация опасного факта.

Элис, отлежавшись и отряхнувшись, поднялась. Зал выглядел опустошённым, но побеждённым. Горы серой паутины и пыли лежали кучами посреди паркета. Потолок и стены, хоть и покрытые слоем грязи, теперь были свободны от призрачных штор. Сквозь очищенные окна лилось больше света, и в нём танцевали миллиарды пылинок — уже не угрожающе, а почти празднично.

Она закончила уборку уже без прежнего энтузиазма, но с чувством глубокого удовлетворения. Смех помог. Он выпустил напряжение и страх. Она вымела весь мусор в огромную кучу у дверей (о том, как его выносить, она подумает позже) и, скинув грязный фартук, отправилась, наконец, на кухню.

Кухня Вальдграфа была царством Людвига и, казалось,

застыла в XIX веке. Огромная плита, холодная и немая. Медные кастрюли, тусклые от времени. Полки с припасами, скудные и печальные. Но на большом дубовом столе её ждал обещанный набор: мешок муки, маленький брикет дрожжей, горшочек с корицей, кусок сала в пергаменте и ещё кое-что — небольшой кувшин молока и, о чудо, яйца. Три штуки. Людвиг, видимо, понял, что булочки без этого — не булочки, или же граф отдал особое распоряжение для «инспекции».

Работа с тестом стала медитацией. Мука, тёплая вода, дрожжи, щепотка соли, ложка мёда (нашёлся в кладовке). Замес, требующий силы, от которого уходили последние остатки напряжения. Тепло, исходящее от печи, которую она растопила с трудом, наугад. Аромат корицы, смешивающийся с запахом горящих дров и свежего теста, — первый по-настоящему добрый запах в этом доме.

Пока булочки подходили, а потом румянились в печи, Элис сидела на кухонной табуретке и думала. О битве в зале. О смехе, который вырвался у неё так неожиданно. И о графе. Где он был всё это время? Слышал ли он этот грохот? Наверняка. И что он подумал?

Булочки получились. Не идеальными — форма была немного кривой, глазурь из сахара и молока легла неровно. Но они были золотистыми, пухлыми и пахли так божественно, что у Элис потекли слюнки. Она отложила две для себя (нарушив, возможно, какие-то неписанные правила), а шесть самых лучших выложила на чистое (вымытое ею же) блюдо.

Инспекция.

С блюдом в руках она вышла из кухни. Дом встретил её привычной тишиной, но теперь в ней ей почудилось некое ожидание. Она шла по коридорам, и аромат корицы плыл перед ней, как авангард, нарушая устоявшиеся запахи пыли и тоски.

Она не знала, где искать графа. Решила идти к библиотеке — месту их первой встречи. Сердце её билось чаще не от страха, а от странного волнения. Она несла ему не просто выпечку. Она несла кусочек мира за стенами Вальдграфа. Мира, где есть тепло печи, запах корицы и простые радости. Посмотрим, что он на это скажет.

В кабинете Адриан сидел у камина, в котором не горел огонь. Он смотрел на холодные угли, но видел золотую пыль в солнечном луче и слышал эхо смеха. А потом его обоняние, обострённое годами однообразия, уловило новый, навязчивый, непрошенный аромат. Сладкий, тёплый, пряный. Он медленно поднял голову. Она идёт. И несёт с собой не просто булочки. Она несёт воспоминание. Искушение.

Он сжал ручки кресла, его костяшки побелели. Принимать или нет? Инспектировать, как и договорились? Или прогнать, пока этот запах не заполнил все уголки его памяти, не разбудил то, что должно спать вечным сном?

Дверь в кабинет ещё была закрыта. Но запах корицы уже просочился сквозь щель под ней, настойчивый, как сама жизнь.

Глава 6

Дни после «воскресной инспекции» текли в Вальдграфе по изменённому руслу. Воздух, казалось, сохранил лёгкий, едва уловимый шлейф корицы, смешавшийся с запахом старой пыли и создавший новую, странную парфюмерную ноту. Сами булочки были приняты графом с ледяным молчанием. Он взял одно, осмотрел со всех сторон, как биолог изучает новый, потенциально опасный вид гриба, отломил крошечный кусочек, попробовал и, не проронив ни слова, кивнул, разрешив Элис забрать оставшиеся. Но факт оставался фактом: он не вышвырнул их в окно, не разгромил блюдо об пол и не произнёс язвительную тираду о вреде углеводов для бессмертной души. Это было равносильно восторженной похвале.

Людвиг, вручая ей новое задание, выглядел ещё более осунувшимся, будто аромат домашней выпечки физически истощал его.

— Мастер распорядился, — произнёс он, избегая смотреть ей в глаза, — чтобы вы занялись портретной галереей в Красной гостиной. Осторожно. Без резких движений. И помните пункт пятый.

Пункт пятый: не отвечать на вопросы, которые задают портреты. Кивать или качать головой, избегая слов «да» и «нет».

Красная гостиная оказалась длинной, неширокой комнатой, где бархат некогда алого цвета выцвел до цвета засохшей крови. Стены от пола до потолка были увешаны портретами в тяжёлых золочёных рамах. Мужчины в париках и камзолах, дамы в кринолинах и с высокими причёсками, дети с бледными, серьёзными лицами — вся династия фон Леров смотрела на мир надменными, скучающими или высокомерными глазами. Воздух здесь был особенно густым и тихим, будто сами краски впитали в себя столетия молчания.

Элис вооружилась мягкой щёткой, тряпками и бутылочкой со смесью, которую Людвиг назвал «щадящей политурой» — пахло она скипидаром и лимоном, и выглядела подозрительно. Она начала с конца галереи, с самых древних портретов, чьи краски потемнели и покрылись паутиной кракелюра.

Работа была монотонной: смахнуть пыль щёткой, аккуратно протереть раму чуть влажной тряпкой, нанести каплю политуры на сухую ткань и отполировать до лёгкого блеска. Элис погрузилась в ритм, её мысли блуждали где-то между рецептом следующей партии булочек (надо бы добавить цедру апельсина) и загадочным отсутствием тени у графа.

Она подошла к портрету, висевшему в центре стены. И замерла.

На полотне был изображён юноша лет восемнадцати. Он сидел у окна, за которым виднелся солнечный сад (не заросший, а ухоженный), с раскрытой книгой на коленях. Лицо...

Лицо было поразительно знакомым. Те же резкие, благородные черты, тот же разрез тёмных глаз, те же чёрные волосы, хотя и уложенные по моде XVIII века. Но выражение! На лице юноши не было и тени привычной язвительности или ледяной усталости. Была лёгкая задумчивость, ум, живой интерес к миру за страницами книги и... надежда. Едва уловимая, но читаемая в лёгком изгибе губ и мягком свете в глазах. Это был Адриан. Адриан до. До чего? До Вальдграфа? До проклятия? До потери тени?

Элис осторожно подняла руку, чтобы смахнуть пыль с рамы. В этот момент она услышала. Не ушами. Это был звук, родившийся прямо у неё в голове, тихий, словно шорох шёлка, но совершенно отчётливый. Мужской голос, молодой, но с бесконечной усталостью:

«О, снова эта ужасная политура... Пахнет, как аптека разорившегося алхимика».

Элис отпрянула, чуть не уронив бутылочку. Она огляделась. Комната была пуста. Голос прозвучал снова, на этот раз с оттенком лёгкого раздражения:

«Ну? Будешь стоять и пялиться, или всё-таки продолжишь? Только, умоляю, не три слишком усердно слева. Там уже и так позолота слезла после того, как в 1832 году горничная-истеричка решила, что я «смотрю на неё слишком пристально», и пыталась меня отскрести».

Элис медленно перевела взгляд на портрет. Парень на холсте смотрел куда-то мимо неё, на свой сад. Но ощущение

было явным: слова шли от него. Или из него.

— Вы... вы говорите? — прошептала она, забыв про все пункты.

«Боже, ещё и разговаривает. Нет, милая, я не «говорю». Я мыслю очень громко. А ты, судя по всему, обладаешь определённой... восприимчивостью. Редкостная досада. Обычно здесь только Людвиг топчется, и он мастер игнорировать мыслительный процесс. Приятно познакомиться. Я — Адриан. Тот, что был».

Элис прислонилась к стене, чувствуя, как у неё подкашиваются ноги. Безумие. Она сходит с ума от одиночества и странностей этого дома. Или... или портреты в Вальдграфе и вправду были не совсем обычными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.